Дмитриева О. А., Буряковская В. А.
O. A. Dmitrieva, V. A. Buryakovskaya

ПРОКЛИНАНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

CURSING AS A COMMUNICATIVE ACT (BASED ON THE RUSSIAN AND ENGLISH SAMPLES)

Дмитриева Ольга Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Россия, Волгоград); 40013, г. Волгоград, пр. имени В. И. Ленина, 27. E-mail: dmoa@mail.ru.

Olga A. Dmitrieva – doctor of philology, full professor of the department of Russian as a foreign language at Volgograd State Socio-Pedagogical University (Russia, Volgograd); 40013, Volgograd, pr. V. I. Lenin, 27. E-mail: dmoa@mail.ru.

Буряковская Валерия Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Россия, Волгоград); 40013, г. Волгоград, пр. имени В. И. Ленина, 27. E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru.

Valeria A. Buryakovskaya – doctor of philology, associate professor of the English language philology department at Volgograd State Socio-Pedagogical University (Russia, Volgograd); 40013, Volgograd, pr. V. I. Lenin, 27. E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается проклятие как комплексная коммуникативная тактика в рамках генеральной стратегии деструктивного общения, представляющая собой реализацию магического мышления. Успешность тактики зависит от типа мышления коммуникантов. Выделены системообразующие характеристики проклятия: фасциативность, сакральность, эмотивность, манипулятивность. Установлены универсальные признаки проклятия в русском и английском языках.

Summary. This article describes cursing as an integrated communicative tactic, as a part of the overall strategy of breaking the connection, representing the implementation of magical thinking. The success of the tactic depends on the type of thinking. The features of the curse are highlighted: fascinating, sacral, emotive, and manipulative. The universal features of the communicative act of curse in the Russian and English languages are pointed out.

Ключевые слова: проклятие, манипуляция, деструктивное общение, магическое мышление, эмоциогенное воздействие.

Key words: curse, manipulation, destructive communication, magical thinking, emotional impact.

УДК 81-2; 398.831

В настоящей статье предлагается рассмотреть феномен проклятия как комплексной коммуникативной тактики в рамках генеральной стратегии деструктивного общения в неинституциональном типе дискурса. Соответственно, задачей статьи является определение психокоммуникативных характеристик проклятия и его языковой репрезентации.

Деструктивное общение не раз подвергалось анализу в рамках лингвистики (Я. А. Волкова, В. А. Буряковская, О. А. Дмитриева, Н. Н. Панченко, И. И. Чесноков, В. И. Шаховский). На данный момент выделены и описаны многочисленные формы деструктивного общения, такие как моббинг, месть, проклятие, пожелание зла, порча, угроза и др. В то же время такая коммуникативная тактика, как проклятие ещё не рассматривалась как тактика деструктивного неинституционального общения.

Вслед за И. В. Крюковой будем выделять по характеру и области применения следующие типы проклятия: а) проклятия библейские и церковные; б) проклятия в фольклоре и народных по-

верьях; в) проклятия родительские и общебытовые [5]. В данной статье мы рассматриваем проклятия в рамках бытового дискурса, то есть общебытовые проклятия.

Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова «проклятие» – 1. Выражение кому-нибудь безусловного и бесповоротного осуждения, знаменующего полный разрыв, отторжение (от себя, от общества; книжн.). – *Да падёт проклятьем это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гонение... Проклятьем вам, проклятьем, и, если возможно, месть. Герцен (о царском правительстве, осудившем Чернышевского на каторгу).* Предать кого-нибудь проклятию. 2. Негодующее бранное слово. *Осыпать проклятиями. При громе плесков иль проклятий. Пушкин. Со скрежетом сына носила и с проклятьем его родила. Некрасов.* 3. Употреблено в значении междометия, выражающего сильное негодование [7].

Философский словарь детализирует проклятие, понимая под ним «пожелание зла посредством слов. Заблуждение считать проклятие магией, поскольку на самом деле оно не содержит ничего, кроме ненависти и суеверия» [4]. В русском языке существует глагол, передающий процесс проклятия: «*Проклясть* кого, церк. предать анафеме, отлучить от церкви; в гражд. быту: *лишать* благоволения; изгонять от себя, лишая наследия и всякого общения; *ругать*, *поносить*, *призывать* на кого-либо бедствия, *желать* кому-то зла, *ненавидеть*. *Столяры да плотники от Бога прокляты: за то их проклинали, что много лесу перевели. Сердитого проклянут, а смиренного (начальника) живьём проглотят...*» [6].

В английском языке существует несколько лексем, с помощью которых можно кого-то или что-то проклясть: **curse, damn, hex, hell**. Так, **curse** в Оксфордском словаре имеет следующие значения: 1) a rude or offensive word or phrase that some people use when they are very angry: *He muttered a curse at the other driver.* 2) a word or phrase that has a magic power to make something bad happen: *The family thought that they were under a curse. The witch is supposed to have put a curse on the house.* 3) something that causes harm or evil: *the curse of drug addiction. Noise is a curse of modern city life.*

Синонимичной лексемой является **hex** – to use magic powers in order to harm someone; to put a hex on someone, а также ругательная лексема **damn**, also **dammit, damn it** (inf, offensive) a swear word that people use to show that they are annoyed, disappointed, etc. *Oh damn! I forgot he was coming.* 1) **damn somebody/something** (informal) used when swearing at somebody/something to show that you are angry: *Damn you! I'm not going to let you bully me. Damn this machine! Why won't it work?* 2) **damn somebody (of God)** to decide that somebody must suffer in hell [9].

Как мы видим, согласно словарным дефинициям проклятие сочетает в себе такие конститутивные признаки, как разрыв отношений с определённой личностью, пожелание зла и страданий, апелляция к фикциональной действительности. Англоязычные лексемы, помимо выражения проклятия, являются ещё и ругательными (*damn, hell*) – в этом случае они могут использоваться говорящими для выражения злости, разочарования, беспокойства: *God damn you, you bitch, would you defy me?' he snarled.' Aye would I!' she shrieked.' Curse you! I'll never wed Hector Maclean!* [8]. В таких случаях англоязычное проклятие приближается к русскоязычной конструкции: *Чёрт побери!* Или: *Чёрт бы тебя побрал!*

Коммуникативный акт проклятия в неинституциональном дискурсе чаще всего осуществляется с помощью следующих оптативных конструкций:

В русском языке:

Будь ты проклят!

Чёрт бы тебя побрал! / Чтоб(ы) чёрт тебя побрал!

Чтоб(ы) ты сдох (погиб, пропал, разорился или остался одиноким)!

Гореть тебе в аду!

В английском языке:

Oh, damn him!

...damn the consequences!

...and to hell with your husband!

God damn you!

И в русском, и в английском языках проклятие выражается с помощью императивного предложения через обозначение насылаемой злой силы и глагола, обозначающего её воздействие на адресата. Инвариантом коммуникативного акта проклятия является оптативная конструкция со сказуемым в повелительном наклонении. Варианты же представлены конструкцией с инфинитивом (*Гореть тебе в аду!*) – в русском языке и конструкцией (*to hell with smb.*) – в английском языке. Как правило, такие предложения являются восклицательными и произносятся соответствующим побудительным тоном.

При осуществлении коммуникативного акта проклятия его автор воздействует на такую ценностную доминанту, как жизнь (жизнь представляется в данной ситуации как реализация Я-структуры, включающая в себя жизнеобеспечивающие характеристики: уважение, свободу, здоровье, безопасность), что чрезвычайно сближает его с языковой личностью «моббер», воздействующей аналогичным способом, однако в рамках институционального деструктивного общения [2, 87]. Однако проклятие, в отличие от моббинга, относясь к сфере вербальной агрессии, представляет собой желание зла другому лицу, как правило, со ссылкой на сверхъестественные силы [1, 139].

Любая апелляция к сверхъестественному, непознанному является фасцинативной по определению, поскольку происходит мощное эмоциогенное воздействие на реципиентов [3, 26]. В массовом сознании проклятие неразрывно связано с болезнями и смертью, соответственно, оценивается крайне негативно. В этом смысле «питательной средой» для проклятия является магическое мышление, которое базируется на наивной картине мира, не предполагающей критического отношения к действительности и попытки объективно оценить те или иные жизненные явления. Апелляция к мистическому является наиболее простой и лёгкой формой самозащиты. Сюда же относятся и суеверия, которые легко объясняют устройство мира и могут легко стать основой для злопожелания в форме проклятия.

Полагаем, что возможны два пути реализации магического мышления в дискурсе проклинания: 1) адресант проклинает, приписывает себе магическую власть, веря, что проклятие осуществится; 2) одновременно испытывает страх перед возможным проклятием в свой адрес. Осознанно манипулируя страхом, адресант осуществляет коммуникативный акт проклятия, базируясь на ощущении своей безнаказанности. Языковая личность, прибегающая к проклятию, искусственным способом поднимает свой социальный статус – авторитет, приписывая себе сверхъестественную способность управлять смертью и общению с фикциональными феноменами, отрефлексированными в языке такими единицами, как *духи, тёмные силы, сатана, дьявол, чёрт* и т. д.

Наибольший эффект от коммуникативного акта проклятия достигается в том случае, если у адресата тоже доминирует магическое мышление. Соответственно, адресат меняется в зависимости от участников коммуникативной ситуации, в рамках которой используется тактика проклятия, но в любом случае прагматическая характеристика проклятия – выражение крайне негативного пожелания. Помимо вербального оформления, проклятие может выражаться в форме ритуальных действий, иными словами, невербально. Проклятие настолько эмоциогенно, что любой человек, независимо от уровня образования и эрудиции, испытывает страх перед проклятием, даже если он не верит в потусторонние силы.

Заметим, что коммуникативный акт проклятия, как правило, осуществляется в какой-либо критической ситуации, которая может иметь для адресанта негативные последствия. Чтобы их устранить, он прибегает к проклятию, нанося таким образом адресату превентивный удар. Проведённое пилотажное исследование (устный опрос 97 человек) демонстрирует следующее отношение к проклятию в современной русской культуре: *страх, ужас, опасение, испуг, недоверие*. Как мы видим, респондентами были перечислены эмотивы, содержащие выражение страха в различной степени интенсивности. Нейтральное отношение представлено в единичных случаях лексемой *недоверие*. Положительного отношения к проклятию не зафиксировано.

Манипулятивный эффект проклятия чрезвычайно высок, автор проклятия управляет страхом адресата перед смертью, болезнями, несчастьями. Несмотря на то, что проклятие отнесено нами к сфере неинституционального общения, возможно его включение и в институциональное

общение. Примером может послужить наблюдаемая авторами статьи коммуникативная ситуация. Хронотоп: вокзал, касса, обеденный перерыв. Участники коммуникации: кассир (молодая женщина), пассажир (женщина средних лет).

Кассир. *Очередь не занимайте, у меня перерыв.*

Пассажир. *Я отстояла 30 минут, у меня тоже перерыв, я отпросилась с работы. Почему я должна переходить в другую кассу? Вы обязаны раньше предупредить. Вы должны мне продать билет! Я сказала, что не уйду никуда. Если мне сейчас не продадите билет, я прокляну и тебя, и твою семью.*

Данная тактика была «успешна», так как кассир продала билет, испугавшись проклятия. Мы видим, что пассажир меняет тактики, начиная с требования («Вы обязаны раньше предупредить. Вы должны мне продать билет!»), затем сближение дистанции в общении (переход на «ты») и угроза проклятия («...прокляну и тебя, и твою семью»). Говоря о психологическом портрете языковой личности кассира, можно предположить, что в её сознании доминирует магическое мышление, чем и воспользовался пассажир. Что касается языковой личности пассажира, то мы наблюдаем способы искусственного повышения социальной роли в рамках институционального общения.

Обращает на себя внимание тот факт, что содержательная сторона коммуникативного акта проклятия характеризуется метафоричностью: адресант может использовать метафоры, которые, по его мнению, ассоциативно связаны с темой проклятия. Приведём пример. По причине отсутствия воды, жилец, возмущаясь в домоуправлении, пожелал сотруднице следующее: «*Чтоб у тебя почки и мочеточники отсохли!*» Как мы видим, используется такая метафорическая ассоциативная цепочка, как «отсутствие воды → болезнь почек».

В следующем англоязычном примере мы видим употребление трёх лексем, обозначающих проклятие – **damn, hell, curse**: *Gravellier made it as far as the door. Then he looked back, anger and fear and loathing rising in him like bile. He looked at that perfect suit, that perfectly inexpressive face, those cold eyes.' God damn you.' His voice choked.' Twenty-two years. I hope you rot in hell.' When the door closed on him, Edouard de Chavigny sat very still. He looked into the turbulence, the red and the black at the heart of the Jackson Pollock painting. He smiled a small bitter smile, and pushed the white folder aside. He was already in hell. It didn't take the curses of a man like Grard Gravellier to take him there.* Кроме того, здесь также наблюдается метафоричность: *I hope you rot in hell* / *Надеюсь, ты сгниёшь в аду*. Ср.: по-русски мы бы сказали *сгниешь*. *He was already in hell* / *Он уже находился в аду* [8]. Отрицательный эмоциональный заряд данных лексем очень высок.

Подведём итоги. Системообразующими характеристиками проклятия как деструктивного коммуникативного акта являются фасциативность, сакральность, эмотивность, манипулятивность. В плане выражения отметим схожие черты как в русском, так и в английском языках: императивные опативные конструкции являются основным языковым выразителем коммуникативного акта проклятия. В содержательном плане коммуникативный акт проклятия в английской и русской лингвокультурах также имеет схожие, универсальные черты: пожелание зла и страданий через апелляцию к фикциональной действительности. Магическое мышление не является чем-то культурно-специфичным, а скорее характеризует определённый тип языковой личности или определённый тип коммуникативного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глушак, В. М. Речеповеденческий аспект проклятий в немецкой лингвокультурной общности / В. М. Глушак // Политическая лингвистика. – 2005. – № 16. – С. 139-144.
2. Дмитриева, О. А. Моббинг как тактика деструктивного институционального общения / О. А. Дмитриева, Я. А. Волкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2015. – № 8(103). – С. 83-88.
3. Дмитриева, О. А. Юродство и лжеюродство на Руси: богословский и лингвистический обзор / О. А. Дмитриева, И. Г. Чеботарев. – Волгоград: Ленинская типография. – 2015. – 176 с.
4. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / А. Конт-Спонвиль. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.

5. Крюкова, И. В. Высказывание проклятия с обращением как полифункциональным компонентом / И. В. Крюкова // Вестник АГУ. – Майкоп, 2010. – № 1. – С. 104-109.
6. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3: П–Р / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1980. – 555 с.
7. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов: в современной редакции / Д. Н. Ушаков. – М.: ЛадКом, 2013. – 848 с.
8. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.04.2018).
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 13.03.2018).